

В. Н. Томилин**Агрокультура колхозов Черноземного центра России в период хрущевского реформаторства**

Статья посвящена изучению культуры землепользования колхозов Черноземного центра России в период реформ Н. С. Хрущева. В центре внимания проблема внедрения в производственную практику достижений культурного землепользования. В основу статьи положен проблемно-хронологический метод исследования. Показан противоречивый характер правительственных реформ в аграрном секторе экономики, выявлены причины их неэффективности. Обращается внимание на тот факт, что даже при имеющихся финансовых и материально-технических ресурсах государства возможности колхозной экономики не были реализованы не только вследствие нехватки сельскохозяйственных машин и орудий, недостаточного стимулирования труда, но и несоблюдения основных правил ведения земледелия. Импульсивность Хрущева отразилась в принятии партийно-государственных решений, которые касались основ землепользования и структуры севооборота, размещения сельскохозяйственных культур и т.д.

Ключевые слова: Советский Союз, аграрная политика КПСС, агрокультура, колхозы, сельское хозяйство, Черноземный центр России.

При разработке и реализации государственной политики в социально-экономической сфере одной из сложнейших является проблема определения приоритетности направлений и баланса развития как между отраслями, так и внутри них. Актуальность изучения аграрной экономики в значительной мере определяется решением проблемы продовольственной безопасности.

Цель исследования заключается в выявлении причин торможения развития полеводства как базовой отрасли колхозов Черноземного центра России в период хрущевского реформаторства.

Задачи работы:

- 1) выявить направления политики власти в отношении колхозов;
- 2) исследовать механизм взаимодействия местных органов власти и колхозов;
- 3) проанализировать изменения в землепользовании и агротехнической культуре колхозов изучаемого региона.

Значимость исследования агрокультуры колхозов Черноземного центра России в период хрущевского реформаторства определяется нарастанием трудностей продовольственного снабжения населения СССР в начале 1960-х гг., которые были напрямую связаны с рядом нерешенных проблем в сфере колхозной экономики. Выделение регионального аспекта аграрной проблематики дает возможность более детального рассмотрения состояния земледелия в одной из главных житниц страны.

В новейшей историографии изучению послевоенной советской деревни уделяется серьезное внимание, в центре которого сельскохозяйственное производство, материально-техническая база, культура земледелия. В исследованиях аграрников проблема эффективности земледелия и освоения севооборотов в период реформ Н. С. Хрущева неизменно определяется как особенно значимая. Академик А. А. Никонов отмечает пагубность шаблонного подхода к земледелию, ошибки правительственного курса по насаждению кукурузы, критику травопольной системы земледелия называет «огульной», переходившей «к отрицанию значения трав и изгнанию с полей овса» [25, с. 302, 325].

Г. Е. Корнилов в своих трудах неоднократно обращался к проблеме освоения севооборотов в послевоенные годы на Урале. Вопрос о пользе и вреде правильных сево-

© Томилин В. Н., 2019

оборотов и чистых паров, указывает автор, решали не ученые, а чиновники. В начале 1960-х гг. травопольную систему называли тормозом в развитии земледелия, чистые пары были полностью ликвидированы. Результат: «снизилась урожайность, рост засоренности полей, усилилась эрозия почвы» [23, с. 157]. В. П. Мотревич отмечает противоречивость аграрной политики государства в 1950-е гг.: увеличение посевов зерновых и кормовых культур в засушливых районах велось без применения новой системы земледелия, делалась ставка на монокультуру — пшеницу, ошибки в агротехнике вели к деградации почв [24, с. 468].

Из монографических работ последнего времени следует выделить труд С. Н. Андреевского, посвященный колхозно-совхозной системе Сибири послевоенного двадцатилетия [2]. В нем исследуются функционирование колхозно-совхозной системы, реформирование системы заготовительных цен, реорганизация машинно-тракторных станций, совхозное строительство, политика государства в отношении личного подсобного хозяйства, динамика и организационно-производственная структура сельского хозяйства. В заслугу автора следует отнести постановку вопроса о реализации установок правительства по введению севооборотов в хозяйствах Сибири.

В совместной работе А. Л. Авреха и В. В. Канищева о реализации Сталинского плана преобразования природы в Тамбовской области севообороты рассматриваются как важнейшая составляющая роста культуры земледелия. Ученые отмечают негативное влияние директив центральных органов власти по вопросам размещения культур севооборота: «...В сложившейся экономической модели заведением севооборотов в колхозах занимался Кремль, но так экономика не делается». В итоге во многих колхозах Тамбовской области в середине 1950-х гг. севообороты были только на бумаге [1, с. 484, 507].

Во многих публикациях, посвященных изучению аграрной политики советского правительства, исследователи обращали внимание на кампанию по внедрению кукурузы. В частности, негативное влияние кукурузной кампании Н. С. Хрущева на сельское хозяйство Кировской области изучил Д. Н. Коньшев. Автор охарактеризовал политику советского государства по насаждению кукурузы как «противоречащую здравому смыслу» [22, с. 303].

Ранее автором статьи уже предпринимались попытки рассмотрения проблемы культурного землепользования в таком традиционном земледельческом районе, как Центральное Черноземье, но они в основном затрагивали период второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. [28—30]. В содержательном плане были рассмотрены вопросы восстановления в колхозах Черноземного центра России площади пахотных земель, проведения землеустроительных работ, введения и освоения севооборотов, реакции колхозников на правительственную политику в деревне.

Таким образом, в новейших исследованиях проблема агрокультуры колхозного производства выделена и требует углубленного конкретного исследования, особенно это касается регионального аспекта.

Данная статья в основном посвящена изучению проблемы культурного землепользования в колхозах Центрального Черноземья применительно к середине 1950-х — началу 1960-х гг.

Разруха военных лет, засуха 1946 г. и последовавший за ней массовый голод в колхозной деревне предопределили правительственный подход к решению зерновой проблемы. Его суть состояла в том, чтобы в короткий срок восстановить площадь пахотных земель и к концу 1940-х годов превзойти довоенный уровень сельскохозяйственного производства. Вопросы культуры землепользования и освоения правильных севооборотов в лучшем случае лишь обозначались представителями государственной власти. Колхозы не

проявляли особой заинтересованности во введении и освоении севооборотов, не видели в этом смысла, так как почти весь урожай поступал в закрома государства, а на трудодни оставались крохи.

В начале 1950-х гг. продовольственная проблема в СССР обострилась, не хватало хлеба. После смерти И. В. Сталина правительство проводит новый курс в деревне. Политическое руководство страны во главе с Н. С. Хрущевым наряду с укреплением материально-технической базы сельского хозяйства предпринимает попытку поднять и культуру землепользования. Необходимо было навести элементарный порядок с севооборотами на колхозных полях.

Значимость культурного землепользования в полной мере нашла свое отражение в решениях сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. Принципиальные партийные установки стали директивами для местных органов власти. В результате складывалось парадоксальное положение: государственные задания по производству сельскохозяйственной продукции не соответствовали структуре севооборота. Колхозы, выполняя «первую заповедь» — государственный план поставок, были вынуждены вносить изменения в переходные таблицы севооборота. Многие руководители колхозов не видели смысла в их составлении. Дело дошло до того, что к началу полевых работ 1953 г. в трех проверенных районах Орловской области не нашлось ни одного колхоза, имевшего книги регистрации полей севооборота [15, л. 131].

Органы власти требовали от колхозов, чтобы они завели книги по регистрации полей севооборота, составляли агрономические технологические таблицы. Но методы нажима не срабатывали. Нарисовать таблицы было не трудно, но слабость машинно-тракторного парка, нехватка посевного материала не позволяли реализовывать задуманное. В Орловской области за 1953 г. 340 колхозов осуществили некоторые шаги по освоению севооборотов, а в 640 хозяйствах они числились только на бумаге [15, л. 132].

Секретарь Орловского обкома партии И. А. Волков требовал от руководящих работников организовать регистрацию существующих посевов и тем самым сделать первый шаг к освоению севооборотов [19, л. 132]. Колхозам никак не удавалось привести в соответствие план размещения посевов в полях севооборота по причине отсутствия семян многолетних трав. В Шаблыкинском районе из 30 колхозов травосеяние производили только 2 хозяйства [16, л. 68].

Развитие общественного животноводства было невозможно без создания соответствующей кормовой базы. Многие колхозы Черноземного центра России, выполняя партийно-государственные директивы, рапортовали о введении кормовых севооборотов. Но с освоением этих севооборотов сложилось бедственное положение. На практике поля кормовых севооборотов засеивались исходя из наличия посевного материала, т.е. чаще всего поля были заняты зерновыми культурами. Так, в некоторых колхозах Воронежской области дело доходило до того, что в десятипольном кормовом севообороте под зерновые отводилось 9 полей [9, л. 119—120]. Подобный подход означал полную ликвидацию кормовых севооборотов.

В колхозах другой центрально-черноземной области — Тамбовской — та же обстановка: фиксировались случаи, когда в десятипольном севообороте озимые занимали 6 (!) полей. И какой это севооборот? Одно название. Ломка севооборотов порой инициировалась решениями местных органов власти. В колхозах Мичуринского района указанной области, согласно утвержденным переходным таблицам севооборота, под подсолнечник отводилось 644 га, в то время как спущенный сверху план предусматривал занять этой культурой 2,1 тыс. га [28, с. 181]. Колхозам, чтобы выполнить государственное задание

по посеву сельскохозяйственных культур, приходилось ломать переходные таблицы севооборота.

Негативное воздействие на освоение культурного землепользования колхозами оказывали и другие факторы. Среди них — проблема земельного учета. В значительной части колхозов страны послевоенный процесс восстановления пахотных земель затянулся почти до середины 1950-х гг. Конечно, партийно-хозяйственные органы оказывали на хозяйства сильный нажим, требуя выполнения государственных планов. В такой обстановке колхозы, стремясь «умиротворить» районное начальство, преувеличивали данные о восстановлении посевных площадей. Это были не единичные случаи. О масштабах приписок свидетельствует следующий факт. В Тамбовской области в 1953 г. в категорию разработанной пашни было включено более 44 тыс. га, находившихся под залежью все послевоенные годы [28, с. 182; 20, л. 17]. На эти залежные земли спускался план посева тех или иных культур, выполнить его можно было лишь за счет «пестрополя» — беспорядочного посева культур.

В первой половине 1950-х гг. в колхозах Черноземного центра России практически были завершены землеустроительные работы и введены правильные травопольные севообороты: полевые севообороты 10—11-польные с двумя полями многолетних трав, кормовые севообороты — 7—9-польные с тремя-четырьмя полями многолетних трав. Государственный план предусматривал полное освоение севооборотов колхозами в 1955 г. [28, с. 182].

Большая работа колхозов по землеустройству и освоению культурного землепользования была в значительной мере обесценена в результате разворота аграрной политики советского государства в сторону освоения целинных и залежных земель. Целинная «лихорадка» затронула и старые земледельческие районы, в которых надлежало распахать неудобья, полевые дороги, «малопродуктивные луга и пастбища», произвести расчистку кустарников и лесных зарослей, а также осушить болота [26, с. 99].

Февральско-мартовский (1954 г.) пленум ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель», в котором была раскритикована сложившаяся на тот момент структура посевных площадей и травопольная система земледелия. Действия органов государственной власти по планированию сельского хозяйства расценивались как ошибочные и неправильные, вследствие чего «произошло значительное сокращение посевов зерновых культур, снизились валовые сборы крупяных, зернобобовых и зернофуражных культур». Пленум поручил соответствующим планирующим органам в трехмесячный срок разработать и внести на рассмотрение Совета Министров СССР предложения по структуре посевных площадей на 1955 г., чтобы в итоге обеспечить более полное освоение старопахотных земель [26, с. 100—101].

Система централизованного управления сельским хозяйством страны выстраивалась путем оперативного прохождения партийно-государственных решений через обкомы и райкомы до непосредственных исполнителей — машинно-тракторных станций, колхозов и совхозов. На областном уровне установки пленума приобретали конкретные задания, которые «разверстывались» по районам. «Более полное освоение старопахотных земель» фактически означало требование пересмотра переходных таблиц севооборота колхозов и совхозов. Кропотливая работа по их разработке и внедрению велась на протяжении всего послевоенного десятилетия. Постепенно на колхозных полях наводился порядок в землепользовании. Повышение качества обработки почвы, внедрение агрономических таблиц севооборота позволяло эффективно бороться с одной из главных бед земледельца — сорняками и повышать плодородие почв. В полях, отведенных под чистые пары,

при условии своевременного проведения всех агротехнических мероприятий накапливались питательные вещества, создавались запасы влаги, они естественным путем очищались от сорняков.

С весны 1954 г. в областях Черноземного центра России началась работа по «улучшению» структуры севооборотов, которая вылилась в борьбу против травополья и чистых паров. Таким путем власть надеялась расширить площадь зерновых и увеличить производство хлеба. В Орловской области в структуре севооборотов колхозов на год полного освоения предусматривалось выделение 50,4% посевных площадей под зерновые культуры, а теперь их доля повышалась до 61,0% [16, л. 13—14].

Руководители сельскохозяйственных предприятий, участники пленума Орловского обкома, пытались возражать против очередной ломки севооборотов, но безуспешно. «Нам в Орловской области специалисты рекомендуют на 50% сократить пар, — говорил председатель колхоза «Путь к рассвету» Кромского района Лежепеков. — Я не согласен с этим, и вот почему. Мы в своем колхозе до этого сеяли не более 1000 гектаров зерновых, а по озимым — 500 гектаров. Значит, 500 гектаров сеяли яровые по яровым. Чем вы прикажете колхозу удобрять 500 гектаров? Когда мы сеяли яровые по яровым, урожай получали 3—4 центнера с гектара, а если бы по черному пару сеяли, мы бы получили по 14 центнеров. Мы сегодня получили план на объединенный колхоз посеять ржи и пшеницы 1360 гектаров, посеять чистого пара 501 гектар и 860 гектаров — по занятому пару. Я, когда получил план, сразу сказал: колхоз пошел “под откос”, потому что нужно 500 гектаров удобрять яровых и 800 гектаров удобрять занятого пара. Где же нам взять столько удобрений? Негде» [17, л. 61—62].

Против сокращения чистых паров в структуре посевных площадей возражали и некоторые руководители районов. Очень жестко на сей счет выступил первый секретарь Ведугского райкома партии Копейкин на пленуме Воронежского обкома КПСС в мае 1954 г. Занятые пары, отметил он, «в большинстве не оправдали себя, потому что у нас в области очень низкая агротехника. Если в прошлом году в Ведугском районе было чистых паров 5900 га, а мы в районе посеяли озимых 10 800 га. Значит, более 40% посеяли по занятым парам. Эти пары нам резко снижают урожай, занятые пары, как правило, дают 4 центнера урожая озимых с гектара» [10, л. 143]. Но и этот голос не был услышан. Руководители колхозов и совхозов, агрономы, пытавшиеся донести здравый смысл до партийного начальства и защитить сложившиеся севообороты, получали оскорбительный тогда ярлык «травопольщик» [3, с. 165]. Да и немного было таких людей, кто решался поставить под сомнение инициативу Хрущева.

На рубеже 1940-х — 1950-х гг. в СССР была проведена масштабная реформа по укрупнению колхозов, тогда их численность сократилась примерно вдвое и составила 121 тыс. С точки зрения власти произошла оптимизация структуры колхозного производства. Однако всего через несколько лет, теперь уже при Хрущеве, процесс укрупнения колхозов получил новый импульс. В 1954—1955 гг. на Орловщине ликвидировали 402 колхоза (они присоединялись к более сильным хозяйствам), в Курской области — 213 [15, л. 35; 13, л. 35]. При этом часть колхозов преобразовывали в совхозы или присоединили к совхозам. В целом по шести областям Черноземного центра России за 1951—1958 гг. численность колхозов сократилась с 6003 до 3567 (на 2436 единиц) при незначительном уменьшении площади пахотных земель (с 11 761 до 11 527 тыс. га) [28, с. 385—386].

Таким образом, с 1954 г. в колхозах Центрального Черноземья начинается новый этап землеустроительных работ и введения севооборотов по новым схемам. В 1954—1955 гг. в Липецкой области были пересмотрены севообороты во всех 642 укрупненных колхозах.

зах. Но затем последовали новые директивные указания властей по расширению посевов паропропашных и технических культур, в первую очередь кукурузы и сахарной свеклы. Это опять вызывало необходимость уточнения структуры севооборотов. В результате непрекращающегося процесса укрупнения колхозов и указаний властей по изменению структуры посевных площадей агрономическая работа в колхозах была дезорганизована [4, л. 430—435].

Для первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева сельское хозяйство стало экспериментальной площадкой, где он апробировал различные идеи. На первый взгляд, некоторые из них имели рациональное зерно. Таким было увлечение кукурузой: потенциал урожайности кукурузы вдвое выше, чем у пшеницы, ячменя, ржи. Потому и была дана команда по стране: сеять кукурузу. Ожидаемый эффект от внедрения кукурузы получен не был. Но в данном случае важно отметить другое: под посеvy кукурузы отводились все новые и новые поля, севообороты нарушались. В Черноземном центре России кампания проводилась с огромным размахом, здесь имелись плодородные почвы, продолжительный вегетативный период, трудовые ресурсы. Наибольший рост посевов кукурузы произошел в колхозах Белгородщины. В 1954—1956 гг. они выросли в 12 (!) раз и достигли 200 тыс. га [6, л. 14].

При беспорядочном землепользовании в колхозах, когда отсутствовали правильные севообороты, нельзя было рассчитывать на получение высоких урожаев. Но поток руководящих указаний не иссякал. Директивы XX съезда КПСС (1956 г.) обязывали государственные органы внедрять рациональные севообороты. Рационализм севооборотов на практике означал расширение посевных площадей под кукурузу и сокращение чистых паров. В письме ЦК КПСС и Совета Министров СССР по совершенствованию структуры посевных площадей указывалось, что пар, занятый кукурузой, является не худшим, а лучшим предшественником для озимых культур, чем чистый пар. В итоге только в колхозах Воронежской области за два года площадь чистых паров сократилась почти на 157 тыс. га [10, л. 18—19].

Составленные на основании новых директив правительства «Практические предложения по внедрению рациональных севооборотов в колхозах Орловской области» предусматривали десятипольный севооборот с тремя полями озимых хлебов, тремя полями яровых зерновых культур и одним полем пропашных культур. Два поля озимых хлебов рекомендовалось размещать по занятым парам и одно — по чистому пару [18, л. 98—101].

В 1950-е годы в колхозах Черноземного центра России сложилась парадоксальная ситуация, когда уже введенные севообороты систематически нарушались. Это происходило по ряду причин. Во-первых, существовало постоянное несоответствие между плановым заданием и структурой севооборота. В Курской области в 1956 г. площадь зерновых культур по севооборотам должна была составлять 994,6 тыс. га, а плановые задания — 1120 тыс. га. Это означает, что 125,4 тыс. га зерновых колхозам пришлось размещать с нарушением чередования культур, предусмотренных схемами севооборота. Во-вторых, не хватало семян однолетних и многолетних трав. Поэтому колхозы были вынуждены менять структуру севооборотов и сеять то, что есть, исходя из наличия семян. В-третьих, пестрополье. В колхозах искали лучшие земли для той или иной культуры, забыв про чередование культур. В-четвертых, это требования руководителей хозяйств и колхозниц сеять сахарную свеклу вблизи населенных пунктов с тем, чтобы меньше тратить времени на дорогу к плантациям [14, л. 1].

Вопрос о проведении землеустроительных работ в колхозах и введении севооборотов во второй половине 1950-х годов не сходил с повестки дня пленумов обкомов КПСС, различных совещаний работников сельского хозяйства. 28 февраля 1957 г. состоялось

совещание передовиков сельского хозяйства Тамбовской области. И там одним из самых острых оказался вопрос о землепользовании колхозов, который вызывал серьезную тревогу у присутствующих. «Севообороты во многих колхозах нарушены, — отмечал председатель облисполкома П. Ф. Морозов, — потеряны границы полей, нет правильного, агрономически грамотного чередования культур. Надо взяться за наведение порядка на земле, за введение правильных севооборотов» [20, л. 55].

Проблема культурного землепользования в колхозах Центрального Черноземья не была решена и в 1957—1958 гг., оставаясь ахиллесовой пятой советского сельского хозяйства в период реформаторства Н. С. Хрущева. Под нажимом сверху колхозы постоянно «совершенствовались» структуру посевных площадей, меняя схему севооборотов. Изменение структуры посевных площадей ломало севообороты.

В январе 1958 г. состоялись отчетно-выборные конференции коммунистов в некоторых областях Центрального Черноземья. По обыкновению, на подобных мероприятиях было принято говорить о достижениях в социально-экономической и культурно-бытовой сферах. Тем не менее руководители областей не могли обойти вниманием нерешенность вопроса о культуре использования сельскохозяйственных угодий в колхозах и совхозах.

На конференции воронежских коммунистов секретарь обкома КПСС А. И. Марфин констатировал: «В подавляющем большинстве колхозов и совхозов дело с введением и освоением севооборотов обстоит очень плохо». В качестве иллюстрации типичного положения приводился такой пример. В зоне обслуживания Н. Калитвенской МТС только в колхозе имени Карла Маркса соблюдались севообороты, а в остальных восьми колхозах даже границы полей оказались нарушенными [12, л. 67].

На партийной конференции коммунистов Белгородской области вопрос внедрения и освоения севооборотов назывался «коренным в земледелии, которым надо заниматься вплотную». К началу 1958 г. только в 160 белгородских колхозах из 457 были проведены землеустроительные работы. Землеустройство всех остальных колхозов планировалось закончить в течение текущего года, а освоение севооборотов отодвигалось на неопределенный срок [6, л. 38].

Партия и правительство не прекращали деятельность по увеличению производства сельскохозяйственной продукции, резерв роста видели в совершенствовании структуры посевных площадей. На пленуме Липецкого обкома КПСС, состоявшемся 8—9 января 1960 г., первый секретарь обкома партии К. П. Жуков потребовал «сократить площади посева ржи, яровой пшеницы и овса как менее урожайных и расширить посевы кукурузы, озимой пшеницы и ячменя», а также пересмотреть отношение к чистым парам. Чистые пары в хозяйствах Липецкой области в 1959 г. занимали 263 тыс. га пашни, из них своевременно было вспахано только 156 тыс. га, «а остальные 100 с лишним тысяч гектаров не пахали до июля» [7, л. 6—9].

Чистые пары в колхозах чаще всего обрабатывали в последнюю очередь: не хватало материально-технических ресурсов для своевременного выполнения агротехнических мероприятий. Но это не аргумент для того, чтобы исключить чистые пары из севооборота. В начале 1960-х гг. в Центральном Черноземье борьба против чистых паров и травополья выходит на новый уровень. На очередном пленуме Липецкого обкома партии в январе 1963 г. было объявлено о том, в колхозах и совхозах области произошло «значительное улучшение структуры посевных площадей, полностью ликвидированы чистые пары, на площади 47,2 тыс. га распаханы малопродуктивные многолетние травы, резко сократилась площадь однолетних трав, что дало возможность расширить посевы зерновых на 100 тыс. га» [7, л. 12].

В который раз пересматривались введенные (пусть еще не освоенные) севообороты. Агроном передового в Липецкой области совхоза «Петровский» И. П. Ксенз в острой форме обнажил серьезность проблемы: «Теоретически севообороты имеются, а практически не применяются и не осваиваются. Вновь созданному производственному управлению нужно будет заняться вопросами разработки севооборота, чтобы он осваивался в ближайшие годы» [7, л. 100].

Зигзаги аграрной политики Н. С. Хрущева представляли собой бесконечные «новации», в стремлении поднять производство сельскохозяйственных культур постоянно менялись схемы размещения культур. В итоге подавляющее большинство колхозов Черноземного центра России к середине 1960-х гг. не имели освоенных севооборотов. Подобная ситуация сложилась и в других земледельческих районах. К примеру, в хозяйствах Саратовской области к началу 1970-х гг. севообороты были освоены на 4,8% земель от общей площади пашни, а в Волгоградской — на 5,7% [27, с. 404].

Таким образом, в период проведения хрущевских аграрных реформ колхозы по-прежнему не были хозяевами на земле. Партийные, советские и хозяйственные органы в отношении колхозов издавали директивы, не учитывающие их реальных возможностей и экономических интересов. Вопросы введения и освоения правильных севооборотов решены не были. Неудачи аграрной политики Хрущева объясняются не только отвлечением колоссальных средств на освоение целинных земель в восточных районах Советского Союза, но и отсутствием порядка в землепользовании колхозов старопашотных районов.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00386/19).

Список использованных источников и литературы

1. Аврех А. Л., Канищев В. В. «Зеленая революция», или Напасть? Очерки по истории Сталинского плана преобразования природы в Тамбовской области. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2011. 646 с.
2. Андреенков С. Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946—1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск : Сибпринт, 2016. 256 с.
3. Вислогузов П. А. Точка опоры: Воспоминания председателя колхоза и директора совхоза-техникума. Воронеж : ИПФ «Воронеж», 2002. 415 с.
4. Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-584. Оп. 1. Д. 138.
5. Государственный архив новейшей истории Белгородской области (ГАНИБО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 234.
6. ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 483.
7. Государственный архив новейшей истории Липецкой области (ГАНИЛО). Ф. 34. Оп. 11. Д. 52.
8. ГАНИЛО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2.
9. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 3. Оп. 28. Д. 3.
10. ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 32. Д. 22.
11. ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 33. Д. 3.
12. ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 11.
13. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 2715.
14. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2924.
15. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. П-52. Оп. 8. Д. 2.
16. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 8. Д. 8.
17. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 9. Д. 8.
18. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 58. Д. 2.
19. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 58. Д. 457.
20. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-3443. Оп. 1. Д. 1189.
21. ГАТО. Ф. Р-3443. Оп. 1. Д. 2006.
22. Коньшев Д. Н. Кукурузная кампания Н. С. Хрущева (на материалах Кировской области) // Государственная власть и крестьянство в конце XIX — начале XXI века : сб. статей. Коломна : Коломенский гос. пед. ин-т, 2009. С. 299—303.

23. Корнилов Г. Е. Модернизация сельского хозяйства Урала в XX веке: этапы, направления, результаты // *Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII—XX веках: проблемы источников и историографии* : сб. статей. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2007. С. 150—172.
24. Мотревич В. П. Развитие сельского хозяйства Урала в 1950-е гг. // *Государственная власть и крестьянство в конце XIX — начале XXI века* : сб. статей. Коломна : Коломенский гос. пед. ин-т, 2009. С. 466—471.
25. Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М. : Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.
26. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1967 гг. : сб. документов за 50 лет : в 5 т. Т. 4. 1953—1961. М. : Политиздат, 1968. 783 с.
27. Романченко В. Я. Совхозное землепользование в России (1960—1980-е годы) // *Землевание и землепользование в России (Социально-правовые аспекты)* : материалы XXVIII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга : КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2003. С. 394—407.
28. Томилин В. Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946—1958 гг. М. : АИРО-XXI, 2009. 400 с.
29. Томилин В. Н. Культура землепользования в колхозах Центрально-Черноземного района России в восстановительный период (вторая половина 1940-х — начало 1950-х годов) // *Северо-Запад в аграрной истории России* : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград : БФУ им. И. Канта, 2018. Вып. 24. С. 173—184.
30. Томилин В. Н. Землепользование в колхозах Черноземного центра России в первые послевоенные десятилетия // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2018. № 1. С. 242—255.
31. Туровский И., Терновский М. Правильное землепользование — основа высоких урожаев // *Тамбовская правда*. 1953. 2 дек.

Поступила в редакцию 06.08.2019

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент
Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тянь-Шанского
Российская Федерация, 398020, Россия, г. Липецк, ул. Ленина, 42
E-mail: tomilin58@mail.ru

UDC 94(470.32)“195/196”+631

V. N. Tomilin

The agriculture of collective farms in the Central black earth region of Russia during Khrushchev's reforms

The article is devoted to the study of land use culture of collective farms of the Black Earth Center of Russia during the period of N. S. Khrushchev's reforms. The focal point of the survey is the question of implementing the achievements of agronomy — cultural land-use — into manufacturing practices. The paper is based on the problematic-chronological approach. It demonstrates the contradictory nature of the government reforms in the agricultural sector of the economy as well as the causes of their inefficiency. It is argued that despite the sufficient financial, material and technical resources of the Soviet state, the potential of the collective farm economy was not realized not only because of the shortage of agricultural tools and machinery, or inadequate motivation and rewards system, but also due to neglecting the basic rules of crop farming. Khrushchev's impulsiveness was reflected in the adoption of party-state decisions that concerned the fundamentals of land use and the structure of crop rotation, the location of crops, etc.

Key words: The Soviet Union, the CPSU agrarian policy, agriculture, collective farms, Black Earth Center of Russia.

Tomilin Viktor Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tian-Shansky University
Russian Federation, 398020, Russia, Lipetsk, ul. Lenina, 42
E-mail: tomilin58@mail.ru

References

1. Avrekh A. L., Kanishchev V. V. *“Zelenaya revolyutsiya” ili Napast’? Ocherki po istorii Stalinskogo plana preobrazovaniya prirody v Tambovskoi oblasti* [“Green Revolution” or Disaster? Essays on the history of the Stalinist plan for the transformation of nature in the Tambov region]. Tambov, TGU Publ., 2011. 646 p. (In Russian)
2. Andreenkov S. N. *Kolkhozno-sovkhoznaya sistema v Sibiri v 1946—1964 gg.: funktsionirovanie i reformirovanie* [The collective-farm system in Siberia in 1946—1964: functioning and reform]. Novosibirsk, Sibprint Publ., 2016. 256 p. (In Russian)
3. Visloguzov P. A. *Tochka opory: Vospominaniya predsedatelya kolkhoza i direktora sovkhoza-tehnikuma* [Fulcrum: Memoirs of the chairman of the collective farm and the director of the state farm technical school]. Voronezh, IPF “Voronezh” Publ., 2002. 415 p. (In Russian)
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Lipetskoï oblasti* [State Archive of the Lipetsk Region]. F. R-584. Op. 1. D. 138.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Belgorodskoi oblasti* [State Archive of the Recent History of Belgorod Region] (GANIBO). F. 1. Op. 1. D. 234.
6. GANIBO. F. 1. Op. 1. D. 483.
7. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Lipetskoï oblasti* [State Archive of the Recent History of the Lipetsk Region] (GANILO). F. 34. Op. 11. D. 52.
8. GANILO. F. 170. Op. 1. D. 2.
9. *Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Voronezhskoi oblasti* [State Archive of the Socio-Political History of the Voronezh Region] (GAOPIVO). F. 3. Op. 28. D. 3.
10. GAOPIVO. F. 3. Op. 32. D. 22.
11. GAOPIVO. F. 3. Op. 33. D. 3.
12. GAOPIVO. F. 3. Op. 40. D. 11.
13. *Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Kurskoï oblasti* [State Archive of the Socio-Political History of the Kursk Region] (GAOPIKO). F. 1. Op. 2. D. 2715.
14. GAOPIKO. F. 1. Op. 2. D. 2924.
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti* [State Archive of the Oryol Region] (GAOO). F. P-52. Op. 8. D. 2.
16. GAOO. F. P-52. Op. 8. D. 8.
17. GAOO. F. P-52. Op. 9. D. 8.
18. GAOO. F. P-52. Op. 58. D. 2.
19. GAOO. F. P-52. Op. 58. D. 457.
20. *Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti* [State Archive of the Tambov Region] (GATO). F. R-3443. Op. 1. D. 1189.
21. GATO. F. R-3443. Op. 1. D. 2006.
22. Konyshchev D. N. *Kukuruznaya kompaniya N. S. Khrushcheva (na materialakh Kirovskoi oblasti)* [Corn campaign of N. S. Khrushchev (based on the materials of the Kirov region)]. *Gosudarstvennaya vlast’ i krest’yanstvo v kontse XIX — nachale XXI veka: sbornik statei* [State power and the peasantry at the end of the 19th — early 21st centuries. Collect. of articles]. Kolomna, Kolomenskii gos. ped. in-t Publ., 2009, pp. 299—303. (In Russian)
23. Kornilov G. E. *Modernizatsiya sel’skogo khozyaistva Urala v XX veke: etapy, napravleniya, rezul’taty* [Modernization of the Urals agriculture in the XX century: stages, directions, results]. *Agrarnoe razvitiye i prodovol’stvennaya politika Rossii v XVIII—XX vekakh: problemy istochnikov i istoriografii: sbornik statei* [Agrarian development and food policy of Russia in the XVIII — XX centuries: problems of sources and historiography. Collect. of articles]. Orenburg, OGPU Publ., 2007, pp. 150—172. (In Russian)
24. Motrevich V. P. *Razvitiye sel’skogo khozyaistva Urala v 1950-e gg.* [Ural agricultural development in the 1950s]. *Gosudarstvennaya vlast’ i krest’yanstvo v kontse XIX — nachale XXI veka: sbornik statei* [State power and the peasantry at the end of the 19th — early 21st centuries. Collect. of articles]. Kolomna, Kolomenskii gos. ped. in-t Publ., 2009, pp. 466—471. (In Russian)
25. Nikonov A. A. *Spiral’ mnogovekovoi dramy: agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII—XX vv.)* [The spiral of centuries-old drama: agricultural science and politics of Russia (XVIII — XX centuries)]. Moscow, Entsiklopediya rossiiskikh dereven’ Publ., 1995. 574 p. (In Russian)
26. *Resheniya partii i pravitel’sтва po khozyaistvennym voprosam. 1917—1967 gg.: sbornik dokumentov za 50 let: v 5 t. T. 4. 1953—1961* [Decisions of the party and government on economic issues. 1917—1967. A collect. of documents over 50 years. In 5 vols. Vol. 4: 1953—1961]. Moscow, Politizdat Publ., 1968. 783 p. (In Russian)
27. Romanchenko V. Ya. *Sovkhoznoe zemlepol’zovanie v Rossii (1960—1980-e gody)* [State farm land use in Russia (1960—1980s)]. *Zemlevladieniye i zemlepol’zovanie v Rossii (Sotsial’no-pravovyye aspekty): materialy XXVIII sessii simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy* [Land tenure and land use in Russia (Social and

legal aspects). Proceed. of the XXVIII symposium session on the Agrarian history of Eastern Europe]. Kaluga, KGPU im. K. E. Tsiolkovskogo Publ., 2003, pp. 394—407. (In Russian)

28. Tomilin V. N. *Nasha krepost'. Mashinno-traktornye stantsii Chernozemnogo Tsentra Rossii v poslevoennyi period: 1946—1958 gg.* [Our fortress. Machine-tractor stations of the Black Earth Center of Russia in the post-war period: 1946—1958]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2009. 400 p. (In Russian)

29. Tomilin V. N. Kul'tura zemlepol'zovaniya v kolkhozakh Tsentral'no-Chernozemnogo raiona Rossii v vosstanovitel'nyi period (vtoraya polovina 1940-kh — nachalo 1950-kh godov) [Land use culture on collective farms of the Central Black Earth Region of Russia during the recovery period (second half of the 1940s — early 1950s)]. *Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii: mezhvuz. temat. sbornik nauch. trudov* [North-West in the agrarian history of Russia. Interuniversity thematic collection of scientific works]. Kaliningrad, BFU im. I. Kanta Publ., 2018, is. 24, pp. 173—184. (In Russian)

30. Tomilin V. N. Zemlepol'zovanie v kolkhozakh Chernozemnogo tsentra Rossii v pervye poslevoennye desyatiletia [Land use on the collective farms of the Black Earth Center of Russia in the first post-war decades]. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy* [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe]. 2018, no. 1, pp. 242—255. (In Russian)

31. Turovskii I., Ternovskii M. Pravil'noe zemlepol'zovanie — osnova vysokikh urozhayev [Proper land use is the foundation of high yields]. *Tambovskaya pravda*, 1953. Dec. 2. (In Russian)